

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-636-644

ВРЕМЯ ИЗУЧАТЬ ПРИГОРОДЫ*

А.С. Бреславский

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирское отделение Российской академии наук
ул. Сахьяновой, 6/222, Улан-Удэ, Россия, 670047
(e-mail: anabres05@mail.ru)

2—3 июня 2017 года сектор социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук в Улан-Удэ провел Всероссийский научно-практический семинар «Что мы знаем о современных российских пригородах?», по итогам которого вышел одноименный сборник работ [7]. Идея встречи, в ходе которой специалисты получили возможность обсудить региональное многообразие пригородов крупных российских городов, масштабы, источники, направления и последствия роста пригородов назрела уже давно. Как мы отмечали ранее [2], при наличии внушительных перспектив для анализа эта сфера социальных исследований не избалована вниманием отечественных ученых, что порождает значительные проблемы в организации сравнительных и обобщающих работ теоретического и эмпирического характера. Конструирование общего предметного поля, постановка исследовательских задач, анализ тематических акцентов международных дискуссий в области так называемых «suburban studies» (исследований пригородов), поиск «работающих» концептов и оптимальных подходов к пониманию «русского» поля, разработка новых и/или адаптация и корректировка имеющихся методик изучения пригородов, критический анализ источниковой базы исследований, сбор и систематизация регионального материала, обобщение, типологизация и сравнительный анализ региональных кейсов, обсуждение результатов проводимых сегодня исследований — вот далеко не полный перечень задач, которые стоят перед специалистами, занимающимися разработкой интересующей нас темы.

Ключевые слова: пригороды; урбанизация; субурбанизация; Россия; пригородные исследования

Прошедший семинар позволил обозначить и обсудить перечисленные выше вопросы, собрав для коллективной дискуссии практически всех российских исследователей, кого интересуют пригороды и пригородный образ жизни в современной России. В семинаре приняли участие 13 специалистов (в основном социологи и географы) из Москвы (А.Г. Махрова, Н.В. Мкртчян, Е.В. Антонов), Красноярска (Л.А. Дорофеева), Иркутска (К.В. Григоричев, И.Ю. Корюхина), Улан-Удэ (Д.Д. Бадарасев, А.С. Бреславский, В.Г. Жалсанова), Владивостока (А.В. Винокурова) и Улан-

* © Бреславский А.С., 2017.

Статья подготовлена по итогам Всероссийского научно-исследовательского семинара «Что мы знаем о современных российских пригородах?», прошедшего в Улан-Удэ 2—3 июня 2017 года при поддержке Фонда Розы Люксембург (филиал в Российской Федерации).

Батора (Н. Галиймаа, О. Хатанболд). Заочно, в формате публикации докладов в сборнике по итогам встречи, в семинаре приняли участие еще два специалиста — из Калуги (А.Ю. Казакова) и Тюмени (А.В. Шелудков). Сравнительно небольшое количество участников — характерный признак развития нашего предметного поля, о чем будет сказано ниже.

Приглашенных докладчиков объединил не только интерес к пригородной тематике, но и то обстоятельство, что каждое из выступлений опиралось на эмпирические исследования, в том числе в конкретных городах современной России. Поскольку полные тексты докладов уже опубликованы [7] и находятся в свободном доступе в сети Интернет (<http://imbt.ru/?p=5604>), позволю себе лишь кратко остановиться на структурообразующих моментах прозвучавших выступлений. Так, во вступительном докладе «Пригороды и пригородные исследования в России» мне показалось важным задуматься над тем, какова социальная и академическая значимость пригородных исследований? Зачем нам изучать пригороды? Каким может быть российское определение пригородов? Какие зарубежные подходы к их изучению могут быть особенно полезны? Каковы сегменты и источники роста российских пригородов? Наконец, как их изучают отечественные исследователи? Все это далеко не прозаичные вопросы, и они важны для каждого ученого, изучающего пригороды, который стремится к продвижению собственной исследовательской программы, к включению результатов своей работы в общероссийские и международные дискуссии.

Вслед за этим Н.В. Мкртчян, опираясь на данные по 78 столичным городам России, внес желаемую ясность в вопрос о том, какие из этих городов генерируют рост пригородных территорий, а какие — нет. Это исследование по существу вносит определенность в то, какие крупные города России и окружающие их пригородные зоны демонстрировали бурный демографический и территориальный рост в период между 2002 и 2010 годами. Где-то пригороды росли вместе с городами, где-то быстрее или медленнее, где-то — вопреки «упадку» своего города. Все это рождает множество дополнительных исследовательских вопросов, на которые нам еще предстоит ответить.

Темпы роста населения пригородных территорий по стране в целом опережают темпы роста городов-центров. Это крайне важный и интересный вывод, который озвучил Никита Владимирович Мкртчян. В стране продолжается урбанизация, население стягивается в крупные города и их пригороды, одновременно набирает обороты и выезд самих горожан в пригороды (о реальных масштабах этого движения мы знаем пока крайне мало). Этот процесс в России получил наибольшее развитие в формате сезонной дачной субурбанизации, которой посвятила свой доклад А.Г. Махрова. Во многом благодаря исследованиям А.Г. Махровой и ее коллег по Институту географии Российской академии наук мы сегодня имеем представление о дачах и их типах в европейской части России [6. С. 283—436]. Дачи, наряду с коттеджной, усадебной и многоэтажной застройкой, по всей стране остаются одним из главных сегментов пригородных зон крупных городов, а переобустраивание дач под круглогодичное проживание — значимым явлением в трансформации российских пригородов. Вот почему так важно понимать, в каком направлении

они развиваются. При этом российское дачеведение, конечно, нуждается в региональных исследователях, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Нет необходимости говорить о том, сколь важно для понимания общероссийских тенденций городского и пригородного развития изучать опыт регионов на востоке России. Это показало и исследование Е.В. Антонова, которого заинтересовало, как трудовая миграция в разных ее формах влияла на локальные рынки труда в городах-пригородах Урала, Сибири и Дальнего Востока в последние годы. Существующие к востоку от Урала системы расселения, транспорта и экономические связи, действительно, задают специфические условия для развития городов-пригородов, для меж- и внутрирегиональных миграций. Стоит взглянуть хотя бы на расстояния между крупными городами — это также важно учитывать в оценках регионального разнообразия российских пригородов.

Сформированная первыми четырьмя докладами макро-оптика, количественная панорама из общероссийских данных, дала возможность взглянуть на интересующие нас явления и процессы в национальном масштабе. Важно, что дискуссия здесь учитывала известные проблемы с качеством, особенностями сбора и надежностью российской статистики, что требует критического анализа данных по регионам, их конкретизации и уточнения в полевых обследованиях. Ключевые тенденции в развитии пригородов российских городов, масштабы пригородного роста определяются часто с погрешностью, но этого, к сожалению, не избежать, пока карта региональных российских исследований не будет заполнена сколь-нибудь значительным количеством комплексных локальных работ. Именно они могут внести значимые уточнения в статистические данные, а, значит, в общее представление о городском и пригородном развитии современной России.

В рамках семинара прозвучало пять докладов о пригородах российских городов, основанных на полевых исследованиях. К.В. Григоричев, опираясь на данные наблюдений и интервью на дачах, в загородных поселениях и частном секторе Омска, Барнаула, Иркутска и Хабаровска, поделился своими размышлениями о развитии пригородного образа жизни в региональных центрах на востоке России. О субурбанизации и, в частности, субурбанизме как образе жизни в современной России написано пока недостаточно. Однако К.В. Григоричев отметил, что субурбанизм как образ жизни распространяется в сибирской провинции достаточно широко и уверенно, при этом, конечно, не синхронно и не повсеместно. Положительные ценности, которые несет в себе пригородный образ жизни, реализуются как в загородном строительстве, так и в развитии и переобустройстве так называемого «частного сектора» сибирских городов, сегменты которого могут занимать значительные по площади территории региональных центров. При этом жизнь в пригороде совершенно необязательно означает преимущества и выгоды, как это широко растиражировала по всему миру англо-американская модель. Пригороды крупных российских городов часто существенно уступают в развитии инфраструктуры, социальной среды, жилищных стандартах и пр. городам-центрам, а местные пригородные сообщества формируются порой как вынужденные, поскольку существуют, например, сложно преодолимые финансовые барьеры для

обустройства в центральных микрорайонах города. О таких негативных эффектах пригородного образа жизни, в частности, шла речь в докладе А.Ю. Казаковой из Калуги и моем докладе о стихийном росте пригородной зоны Улан-Удэ.

Нетипичный для России случай представила А.В. Винокурова, которая рассказала о развитии острова Русский — островного пригорода Владивостока, который с начала 2010-х годов стал активно обустраиваться и заселяться при поддержке и под контролем государства, что также пока редкий для нашей страны случай (можно вспомнить, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, пожалуй, лишь Сочи и Казань). В отличие от большинства отечественных континентальных городов морские города часто ограничены в территории: не имея возможности расти экстенсивно, вширь, им особенно важно эффективно использовать городские и пригородные территории.

Избежать стихийного освоения пригородных районов, учесть множественные инфраструктурные, экономические, транспортно-логистические, экологические и прочие эффекты застройки — вот над чем действительно важно задуматься крупным российским городам, в части из которых «балом правит» частный строительный бизнес, не всегда учитывающий задачи гармоничного развития осваиваемых территорий. О планировании развития пригородных территорий, учете эффектов города, который активно генерирует изменения за своими границами, говорила Л.А. Дорофеева, опираясь на данные по красноярской агломерации, являющейся одной из крупнейших в Сибири.

В целом проблематика агломерационного развития, лишь набирающая актуальность в современных процессах расселения в России, конечно, тесно связана с тематикой пригородных исследований. В обоих случаях нас интересуют множественные связи между городами-центрами и окружающими их поселениями (малыми городами, селами и пр.). Но региональных исследований городских агломераций, как и пригородных исследований, до сих пор крайне мало. Их фрагментарность не дает нам возможности делать уверенные обобщения и типологизации. Обзор известных мне работ и исследовательских программ, касающихся изучения пригородов крупных городов в современной России, опубликован в вводной статье сборника. Так, в 2000—2016 годах из 79 городов России, население каждого из которых составляет более 250 тысяч человек (на 2016 год) только в 7, судя по данным Российского индекса научного цитирования, проводились комплексные полевые исследования в области пригородного развития: это Иркутск, Калуга, Красноярск, Москва, Санкт-Петербург, Тюмень и Улан-Удэ. 7 городов из 79, т.е. менее 9%. Такое невнимание исследователей к пригородам крупных городов обескураживает, учитывая, какое значение крупные города и городские агломерации приобретают сегодня в экономике и системе расселения в стране. В списке, как мы видим, нет большинства городов-миллионников (Новосибирск, Екатеринбург, Челябинск, Казань и др.), не говоря уже о менее крупных городских агломерациях. Несмотря на некоторый количественный рост и профессионализацию городских исследований в стране в последнее десятилетие (точнее — исследований, проводимых в городах), пригороды получают внимание лишь со стороны

отдельных энтузиастов. Характерно, что за последние пятнадцать лет среди всех диссертаций по социологии, географии и экономике была защищена лишь одна, в названии которой присутствовало слово «пригород» [4]. Хотя понятие «пригороды»/«пригородные территории» определено в академических словарях давно [5], оно пока слабо востребовано и инструментально осмыслено теми, кто изучает города, системы расселения и территориальное планирование в России. До сих пор опубликовано лишь две авторские монографии по материалам исследований пригородов крупных городов России [1; 3].

В то же время именно пригородные территории становятся сегодня основной площадкой городского развития, поскольку земельные и инфраструктурные ресурсы центральных городских областей ограничены, а сами города часто не предоставляют комфортной среды для проживания. Игнорировать это обстоятельство не позволит как минимум продолжающийся рост населения крупнейших городов. Это касается не только Москвы и Санкт-Петербурга и других активно растущих городов, например, Тюмени и Краснодара, но и многих региональных центров, продолжающих стягивать внутрирегиональное население. Даже в тех городских агломерациях и крупных городах, где сочетание естественного и миграционного прироста не дает положительных показателей, процессы (пере)обустройства пригородных территорий могут протекать крайне интенсивно. К каким промежуточным результатам мы пришли за последние 10—15 лет? Что представляют собой пригороды крупных российских городов сегодня? Каковы их сегменты? Как они формируются? Каковы источники, движущие силы этого процесса? Что мы знаем о пригородных сообществах? С какими проблемами они сталкиваются? Формируется ли в регионах эффективная практика управления пригородным развитием? За исключением отдельных городов, мы до сих пор мало что знаем об этом.

Пригороды, несмотря на их бурную трансформацию в последние годы, как отметил участник семинара К.В. Григоричев, остаются в тени своих городов. Это касается не только официальной российской статистики, в которой пригородов вообще пока не существует как специальной категории, а есть только городское и сельское население, но и государственного и муниципального управления, которое делит страну на городские и сельские поселения и городские округа. Пригороды же — это специфическое, часто гибридное пространство между ними, включающее в себя черты обоих «миров», связывающее их (вокруг этого был выстроен доклад И.Ю. Корюхиной по одному из пригородных муниципальных образований Иркутска), которое требует специфического подхода к управлению, возможно, даже особой административной институционализации. Это становится понятно, когда мы, поработав с национальной статистикой, переходим к полевым исследованиям, погружаясь в повседневную жизнь пригородных сообществ.

Реалии территориального развития подчас обрушивают административные границы, это проявляется, например, в том, что отдельные городские окраины (микрорайоны) или сельские населенные пункты в границах городских округов по многим значимым параметрам не отличаются от пригородных поселений городских округов. К этим параметрам можно отнести: расстояние от общегород-

ского центра, плотность расселения, этажность застройки, качество и образ жизни местного населения (как интегральный показатель, складывающийся из состояния социально-бытовой, инженерной инфраструктуры, доходов, структуры потребления, досуга населения, нацеленности местных жителей на городской рынок труда и пр.). В каждом конкретном городе России без формальных административных границ будет непросто отделить городские территории от «пригородных», поскольку для жителей, строителей, чиновников и т.д. понятие пригорода может быть абсолютно разным. С другой стороны, административные границы часто препятствуют межмуниципальному взаимодействию, затрудняя решение общих для агломераций вопросов.

Критерии, которые используют российские исследователи в определении пригородов (расположение за границами города, наличие тесной связи с городом, особый административный статус, плотность заселения, этажность застройки, качество среды проживания и пр.), также отличаются друг от друга и от классической англо-американской модели. Это подтвердилось и в ходе подготовки семинара: в своем вступительном докладе я отметил два варианта определений, одно из которых может способствовать унификации предмета наших исследований для сравнительного анализа и необходимых обобщений, а второе — глубинной проработке локальных кейсов, пониманию сущностных черт пригородного роста в России и особенностей пригородного образа жизни в отдельных регионах страны [7. С. 6—11].

Региональные полевые обследования, очевидно, способны отобразить разнообразие мира российских пригородов, давая возможность понять происходящие в нем порой скрытые или мало обсуждаемые изменения. В рамках семинара мы рассмотрели несколько локальных кейсов — особенности развития пригородов Барнаула, Владивостока, Иркутска, Калуги, Красноярска, Омска, Тюмени и Улан-Удэ. Стало понятно, что в пространственно дифференцированной России процессы формирования новых сегментов пригородных зон и переобустройства старых приобрели многоукладный характер. Различия в уровне и возможностях экономического развития регионов, в емкости рынков труда, климатических условиях, источниках и характере продолжающейся урбанизации, масштабах разворачивающейся субурбанизации — все это определило разнообразие процессов пригородного развития, о котором мы знаем пока крайне мало.

В регионах России пригороды крупных городов приобрели разные формы: мало- и многоэтажные, только жилые или смешанные (промышленные, торговые, рекреационные и пр.), элитные, для среднего класса, бедных или смешанные, поли- или моноэтнические, застроенные государством (под его контролем), частным бизнесом или самими жителями самостоятельно, в том числе самовольно, запланированные или построенные стихийно и т.д. Где-то пригороды выстраивались на ранее неосвоенных территориях, а где-то — на основе возникших ранее сел, деревень, поселков, малых городов, путем их полной или частичной перестройки. В одних случаях пригороды разрастались вследствие продолжающейся урбанизации, демографического роста переполненных городов, в результате притяжения

в них сельского населения, населения малых городов, в других — вследствие набирающей масштабы субурбанизации, связанной с переездом жителей из центральных городских микрорайонов в пригородные в логике классической англо-американской модели или по иным причинам.

Более конкретно говорить об источниках пригородного роста в России в целом, о роли урбанизации и субурбанизации в этих процессах мы пока не можем из-за слабости российской статистики и малого количества региональных исследований. Однако, несмотря на ощутимые различия между городами в отдельных регионах страны, сегодня мы все же можем выделить основные сегменты их пригородных зон, обозначить (с определенной погрешностью) масштабы происходящих в них изменений, указать на текущие и возможные их последствия. Но без региональных исследований пригородов и истории их формирования, без определения их сущностных черт и особенностей, без изучения источников их роста и развития, миграций населения и систем расселения, связывающих села-пригороды-города, масштабов и результатов пригородного роста и т.д. дальнейшее развитие нашей предметной области невозможно.

Начать изучать пригороды сейчас, кажется, самое время. С одной стороны, более чем в 70 крупных городах России такие исследования вообще не проводятся, с другой стороны — экономика страны и ее население все более концентрируются в городах. Стихийность освоения пригородных территорий, которая не была в целом характерна для социалистического периода, невнимание к этим процессам со стороны регионов и государства в целом способны обернуться многими негативными последствиями, проявление которых — лишь дело времени. Концентрация бедности в пригородах крупных городов, проблемы с трудовой занятостью, правопорядком, реализацией муниципалитетами своих полномочий, экологические и транспортные проблемы становятся все более ощутимыми не во всех, но во многих городах страны. Особенности российского налогообложения, бюджетного кодекса, закона о местном самоуправлении, слабость межмуниципального взаимодействия часто становятся барьерами в решении обозначенных проблем. Не всегда региональные и муниципальные власти обладают достаточными и полными данными, принимая решения в области инфраструктурного, социально-экономического и демографического развития пригородных территорий. С академической точки зрения изучение российских пригородов важно не только для развития отечественной урбанистики и ее общественного статуса, но и для расширяющихся международных дискуссий в области так называемых «suburban studies» (пригородных исследований), которые с начала 2000-х годов включают в себя все больше исследований в странах развивающегося и постсоциалистического мира [8; 9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014.
- [2] Бреславский А.С. Что мы знаем о современных российских пригородах? // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. Т. 15. № 4.

- [3] Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013.
- [4] Григоричев К.В. Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода: Автореф. дис. д.с.н. Иркутск, 2014.
- [5] *Пригород* // Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985.
- [6] Между домом и... домом: возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016.
- [7] Что мы знаем о современных российских пригородах? / Отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017.
- [8] *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe* / Ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014.
- [9] *Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century* / Ed. by R. Keil. Berlin: Jovis Publishers, 2013.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-636-644

IT'S TIME FOR SUBURBAN STUDIES*

A.S. Breslavsky

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Sakhyanovoy St., 6/222, Ulan-Ude, Russia, 670047
(e-mail: anabres05@mail.ru)

Abstract. The sector of sociology of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences organized the All-Russian scientific seminar “What do We Know about Contemporary Russian Suburbs?” on June 2—3, 2017. Based on the seminar results, the collection of papers with the same title was published. The idea of the meeting was to allow the experts to discuss the regional diversity of the suburbs of Russian cities, the scale, sources, directions and consequences of the Russian suburbanization. Despite considerable prospects for theoretical and empirical analysis, this field of social research is still ignored by Russian scientists, which determines serious problems in conducting comparative and generalizing studies to ensure a broader understanding of the nature of the Russian suburbanization. Developing a common research field, setting research aims and hypotheses, summarizing international discussions on suburban studies, search for optimal concepts and approaches to the analysis of the Russian suburbanization, developing new methods for studying suburbs and adaptation of the existing ones, critical analysis of sources, collecting and systematization of regional data, generalization, typologies and comparative analysis of regional cases, discussing the results of today’s studies — these are just some issues set by the experts in the suburban studies.

Key words: suburbs; urbanization; suburbanization; Russia; suburban studies

REFERENCES

- [1] *Breslavsky A.S. Nezaplanirovannyye prigorody: sel'sko-gorodskaya migraciya i rost Ulan-Udje v postsovetskij period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN; 2014 (In Russ.).

* © A.S. Breslavsky, 2017.

The article is based on the results of the All-Russian scientific seminar “What Do We Know about Contemporary Russian Suburbs?” held in Ulan-Ude on June 2—3, 2017 with the support of the Rosa Luxemburg Foundation (the Russian branch).

- [2] *Breslavsky A.S.* Chto my znaem o sovremennyih rossiyskih prigorodah? [What do we know about contemporary Russian suburbs?]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15(4) (In Russ.).
- [3] *Grigoriev K.V.* *V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of a Big City: Social Space of the Suburbs]. Irkutsk: Ottisk; 2013 (In Russ.).
- [4] *Grigoriev K.V.* Prigorodnyie soobshchestva kak sotsialnyiy fenomen: formirovanie sotsialnogo prostranstva prigoroda [Suburban Communities as a Social Phenomenon: Development of the Suburban Social Space]: Avtoref. dis. d.s.n. Irkutsk; 2014 (In Russ.).
- [5] Prigorod [Suburb]. *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. D.I. Valentey (ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1985 (In Russ.).
- [6] *Mezhdum domom i... domom: vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and ...Home: The Return Spatial Mobility of the Russian Population]. T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Mahrova (eds.). Moscow: Novyi hronograf; 2016 (In Russ.).
- [7] *Chto myi znaem o sovremennyih rossiyskih prigorodah?* [What do We Know about Contemporary Russian Suburbs?]. A.S. Breslavsky (ed.). Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN; 2017 (In Russ.).
- [8] *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell; 2014.
- [9] *Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century*. Ed. by R. Keil. Berlin: Jovis Publishers; 2013.